

Сергей
Котов

Раненые звезды-4 Апокалипсис

Сергей Котов

Раненые звёзды – 4: Апокалипсис

«Автор»

2023

Котов С.

Раненные звёзды – 4: Апокалипсис / С. Котов — «Автор», 2023

Гриша и его команда смогли подготовиться к вторжению. Организация, основанная ими, намного обогнала остальное человечество в техническом развитии. Вот только хватит ли этих сил, чтобы противостоять страшной угрозе, стоящей на пороге Солнечной Системы - Считывателям?

© Котов С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть I. Пространство. Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Котов

Раненые звёзды – 4: Апокалипсис

Часть I. Пространство. Глава 1

Больше всего я жалел, что так и не удалось заехать к родителям. Сразу, как только я немного пришёл в себя после любовных переживаний, Катя огорошила меня заявлением: «Гриша. Тебе нужно лететь. У нас очень мало времени!»

После этого, не давая опомниться, она отвела меня в реабилитационный центр на космодроме, где меня заставили раздеться и погрузили в какой-то мутный тёплый раствор.

– Это новая разработка, – улыбнулась она, – медицинские наноботы. Они быстро приведут тебя в спортивную норму!

– Так уж и в спортивную? – я с сомнением изогнул бровь.

– Не сомневайся! Правда, процесс довольно болезненный. Поэтому сейчас ты потеряешь сознание, но не бойся! Это для твоего же блага!

Я хотел было возмутиться и даже начал поднимать руки, чтобы схватиться за железные поручни и вылезти из жижи, но тут моё тело вдруг расслабилось. Мышцы стали очень тяжелыми. А потом меня накрыл сон без сновидений.

Проснулся я в очень хорошем настроении. В окно светило яркое солнце, через открытую створку задувал приятный ветерок. Пахло морем. Я потянулся. Встал и подошёл к окну. За буйством тропической растительности чуть дальше виднелся кусочек песчаного пляжа.

Мне немедленно захотелось нырнуть в море. Я оглядел помещение, и только увидев своё отражение в ростовом зеркале осознал, что был совершенно голым. Уж не знаю, что делала со мной та жижа, но моя форма действительно оказалась вполне на уровне. Как будто я продолжал регулярно ходить в спортзал и правильно питаться, а не гонялся за злобными пришельцами в далёком прошлом Земли.

Зеркало оказалось сдвижной дверцей шкафа-купе. В самом шкафу были несколько халатов, тапочек, комплектов нижнего белья, джинсы, футболки и кроссовки. Все – моего размера.

Я хмыкнул, но прежде, чем одеться, всё-таки зашёл в душ.

Когда я, захватив с собой пару полотенец, уже собирался выдвинуться в сторону пляжа, дверь без стука открылась и в комнату вошла Катя. Она была в странном сером комбинезоне, на мой взгляд, чересчур откровенно обтягивавшим её тело.

– Гриша? – спросила она, с недоумением глядя на полотенца у меня подмышкой, – зачем тебе?

– И тебе привет, – ответил я, – вот. Хочу на пляж сгонять.

– На пляж?

– Да. На пляж. Имею я право в море поплавать, а? В нормальном море. Безо всяких доисторических чудовищ!

Катя улыбнулась.

– Во-первых, – сказала она, – несколько дней назад ты имел отличную возможность искупаться в Ионическом море. До прощального пикника со спецназом. Ну, или во время. И то, что тебе тогда не хотелось – это не оправдание.

– Там было стрёмно! – ответил я, – и невежливо.

– А во-вторых – извини, но у нас нет времени. Я еле уговорила себя потратить его на то, чтобы привести тебя в порядок. Страдалец ты наш.

– Да ну тебя! – я махнул рукой и поудобнее перехватил полотенца.

- Извини, Гриш, – примирительно сказала Катя, – но у нас правда очень мало времени.
- Да что случилось-то хоть? Объяснить не хочешь?
- Тюрвинг времени, – ответила Катя, – ты ведь помнишь, где он остался?
- На корабле Алисы, – ответил я после секундной паузы, – ну и пофиг! Она всё равно с ним ничего не сможет сделать без живых людей.
- Сможет, Гриша. Она на максимальном ускорении двигается в сторону Солнца.
- Я сглотнул.
- Там ведь и другие тюрвинги, – сообразил я, – меч, колокольчик... Сколько у нас времени?
- По моим подсчётам ещё часов двенадцать. Похоже, Алиса выжала максимум. Даже пожертвовала некоторыми силовыми конструкциями своего корабля. Он разваливается на лету. Но до Солнца долететь успеет. Если мы не предпримем ничего раньше.
- Пофиг, – беспечно ответил я, – я успею допрыгнуть.
- Гриша, ты один не пойдёшь.
- Почему это?
- Потому что она это может предвидеть. Нужен полноценный боевой корабль, который сотрёт в пыль этот астероид. Самый быстрый, который у нас есть, создан на базе челнока слоно-головых. Он способен сделать перехват за шесть часов. Плюс пара часов подготовки до старта.
- Подготовку можно начинать уже сейчас, я для этого не нужен, – я пожал плечами.
- Это верно. И мы её уже начали. Кай уже на месте и ждёт тебя. Но я не хотела бы всё делать впритык по времени. Ставки слишком большие.
- Я ещё к родителям хотел... – сказал я, вздохнув, – да что ж такое-то...
- После этой миссии я сама тебя доставлю, на самолёте, безо всяких тюрвингов. Ну, или их к тебе, если хочешь.
- Дай позвонить хоть, а? А то я уже забыл, как смартфон выглядит.
- Катя задумалась на минуту.
- Ладно. Ты прав, – она опустила руку куда-то в недра комбинезона (ни за что бы не догадался, что там есть карманы!) и вытащила черный «кирпичик» смартфона, – ты номер помнишь?
- Помню, – кивнул я. Редкость в наше время – но я действительно ещё в детстве выучил номера родителей, и с тех пор они не менялись.

Мама ответила на вызов. У меня дыхание перехватило. Я совершенно не ожидал такой эмоциональной реакции от себя.

- Алло? Алло, кто это?
- Привет, мам... – наконец, выдал я.
- Гриша? У тебя всё в порядке? Ты не болеешь?
- Всё в порядке, мам. Я совершенно здоров! Не беспокойся. Как вы с папой?
- Да нормально. Сегодня вот на море ходили. Погода отличная.
- Как он себя чувствует? Удастся ли поработать?
- Хорошо... – растерянно сказала мама, – удаётся, насколько это возможно на удалёнке.
- Гриша, ты же сам всё видел. Что-то случилось? Проблемы во время перелёта, да? Были проблемы? Так и знала! Чувствовала что-то... Гриша, но сейчас-то вы уже приземлились? Всё в порядке? Что с самолётом было? Двигатель отказал? Или шасси не вышло? Ты не пострадал? Или ты в больнице был, и только сейчас говорить можешь?
- Мам! – я остановил этот поток взволнованного причитания, – всё в порядке с самолётом было. И со мной тоже! Просто работой был занят. Сοοбразил, что не созванивались давно. Соскучился.
- И поэтому решил разбудить нас в шесть утра?

Я мысленно выругался. Как я мог забыть про разницу во времени?

– Ой. Извини, мам. Тут время другое. Я перепутал направления просто...

Мама вздохнула.

– Хорошо, – ответила она, – молодец, что звонишь. А то мы уже волноваться начинали. Если честно, мне не очень... – тут она осеклась, и добавила, явно смущаясь: – хотя по телефону, наверно, нельзя.

– Встретимся – поговорим. Я всё расскажу. Ладно?

– Договорились. Я папе передам, что ты звонил.

– Спасибо, мам! Люблю тебя. И папу тоже.

– И мы тебя любим, Гриша.

Во время разговора Катя деликатно отошла и теперь разглядывала через окно пляж.

– Поговорили? – спросила она, принимая из моей руки смартфон.

– Ага, – кивнул я, – спасибо.

– Тюрвинг у тебя далеко? – спросила Катя.

Я приоткрыл халат так, чтобы было видно специальную кобуру, которую я брал с собой даже в душ.

– Хорошо, – кивнула она, – давай тогда на пляж. В шкафу шорты есть, которые сойдут за пляжные.

– Знаю, – кивнул я.

– У нас полчаса. Не больше.

Возле шкафа я остановился на секунду, решая, не желаю ли я потратить эти полчаса на что-то ещё, кроме пляжа? То, что Катя не двигалась с места, наблюдая за мной, красноречиво намекало на такой вариант развития событий.

Но потом я всё-таки решительно скинул халат и надел шорты.

– Ты со мной? – спросил я, не оглядываясь.

– Естественно.

Когда я оглянулся, то обнаружил, что Катя уже была в купальнике. Я даже спрашивать не хотел, пришла ли она уже в нём, или это была наглядная демонстрация способностей её другой стороны. Вместо этого я подошёл к ней. Посадил на правую руку и крепко прижал к себе. Потом свободной рукой я открыл окно и достал из кобуры тюрвинг.

Наше неожиданное появление на пляже могли заметить. Но мне было плевать.

Я плескался в солёных волнах как мальчишка, забыв обо всём. Море. Солнце. Радость. Простое человеческое счастье – просто осознавать, что ты жив, и ты почти дома. Про астероид со злобной Алисой думать не хотелось. И я не думал.

Глава 2

Челнок перенесли с каменных столбов. Теперь он находился в подземном ангаре, на спец-объекте посреди Урала. Меня встретили у входа, замаскированного под поросшую мхом скалу. Я бы ни за что его не нашёл, если бы предварительно, в режиме, не получил точные координаты.

Как только я возник возле скалы. Её часть с электрическим гулом отъехала в сторону, открыв проход в ярко освещённый коридор, облицованный металлическими панелями.

В коридоре стоял какой-то здоровенный рыжебородый мужик. Увидев меня, он осклабился и кинулся мне навстречу. Я рефлексивно отпрянул.

– Гриша-а-а! – завопил мужик.

И только в этот момент я его узнал. Уж не знаю, каким чудом, но его голос мало изменился. То есть, он, конечно, стал более грубым, низким. Но сама манера говорить осталась легко узнаваемой.

– Лёва! – успел произнести я прежде, чем крепчайшие объятия не выдавили весь воздух из моих лёгких.

– Слушай, мне столько всего тебе рассказать надо! – сказал Лев, отпуская меня и оглядывая с головы до ног, – кстати, ты как-то... похудел, что ли?

– Это вряд ли, – ответил я, – мне тут только что восстановили, практически, идеальную форму. Просто ты сам вырос!

– Ну, не без этого, – довольно проговорил Лев, – даже проблемы были из-за моих габаритов. Пришлось корабль для полёта на Луну перепроектировать. И заменить меня было просто нечем.

– Вообще-то было кем, – ревниво заметил я, – и я до сих пор считаю, что вполне справился бы.

– Как обычно, всё одеяло на себя, – улыбнулся Лев, – но напомним: тебе в тот момент было десять. Ты был лишь чуть старше меня, когда мы впервые встретились.

Я вздохнул. Перед глазами снова возникло то мрачное подземелье. Загоны для детишек. По спине побежали мурашки, когда я представил себе на секунду, что мог бы оставить всё это дело так, не вмешиваясь.

– Спасибо тебе, – сказал я.

– Да ладно, не так уж и сложно было, – кивнул Лев, – разве что по дороге туда и обратно скучновато. Одни сериалы да книги, никакого движения. И невесомость эта... жутко раздражало.

Я не стал уточнять, что поблагодарил вовсе не за это.

– Как мама? – спросил я, – освоилась?

– Отлично мама! – ответил Лев, – она тут диплом получила. Теперь работает в школе, учителем.

– Вот как? – удивился я.

– Школа специальная. Для особенно одарённых детей, – подтвердил Лев, – она, кстати, замуж вышла, за достойного человека. У меня есть три сестры. Самой младшей – пять лет.

– Ну и дела...

– Жизнь идёт, Гриша! И это прекрасно, я считаю. Кстати, ты так и не рассказал, как догадался, что я тоже могу управлять тюрвингами. Это было совсем не очевидно.

– Я и не догадывался, – ответил я, задумавшись на пару секунд, – это было какое-то озарение. Я вспомнил, как мы были там, в городе. Показалось, что между нами возникло что-то такое... сложно объяснить.

– Родственное? – предположил Лев.

– Да, – согласился я, – пожалуй, это ближе всего.

- Гайя ведь знает, что человек – это не просто набор генов...
- Знает, – согласился я, – поэтому и не смогла бы построить меня без того манускрипта.
- Мне кажется, в этом всё дело. Вроде бы она понимает технологию, и всё на поверхности.

Но какой-то нюанс мы упускаем.

– Может ты и прав, – кивнул я, – надеюсь, у нас ещё будет время, чтобы во всём разобраться.

Ангар, подготовленный для челнока, был таким огромным, что верхний ярус светильников казался странно-упорядоченным звёздным небом.

Кай ждал нас возле центрального шлюза.

– А... Катя разве не с тобой? – спросил он, протягивая руку.

– Нас троих достаточно для трёх тюрвингов.

– У меня нет иммунитета, – заметил Кай, – я всё ещё не могу так запросто хватать их руками. И Гайя пока окончательно не разобралась с этим.

– Ты займёшься колокольчиком, – подмигнул я, отвечая на пожатие, – для него иммунитет не требуется.

– Почему-то так я и думал, – Кай озабоченно покачал головой, – но всё равно. Катя могла бы хотя бы проводить, что ли. Вы ведь вроде как в отношениях.

– Она занимается седьмым тюрвингом, – сказал я.

– Интересная штукавина, да? – улыбнулся Лев, явно рассчитывая на похвалу.

– Ага, – кивнул я, – фигово только, что мы до сих пор не знаем, как её активировать.

– Это да, – Лев поник было, но тут же приободрился, – вот, кстати, неплохо было бы выяснить. Так что, идём, навестим Элис?

– Идём, – ответил я, удивляясь, насколько Лев всё-таки адаптировался к Земле и нашей культуре. Хотя сильно подозреваю, что в этом есть исключительная заслуга Таис.

Но стартовать удалось только спустя час. Как выяснилось, квантовые вычислительные системы не были откалиброваны должным образом под какое-то новое таинственное оружие, которое синтезировала Гайя. Когда я попытался задать ей беззвучный вопрос о нём – ответом было только молчание и потоки едва сдерживаемого озорства.

Глава 3

Старт с включенными гравикомпенсаторами – это даже не старт, а так, одна видимость. Никакой романтики. Словно кино смотришь на отличных мониторах, имитирующих внешние иллюминаторы в рубке управления.

Саму рубку, кстати, капитально переделали. Теперь она была рассчитана только на человеческий экипаж. Органов управления как таковых не осталось. В пилотские кресла был встроен нейроинтерфейс, который через систему хитрых индукционных нанодатчиков подключался непосредственно к спинному мозгу. При подключении челнок ощущался как продолжение тела. Но сейчас кораблём управляла автоматика.

– Дух воина – искра на ветру... – произнёс Кай на марсианском, глядя в черноту за носовым обтекателем, которая медленно заполнялась проявляющимися звёздами.

Я внимательно посмотрел на друга.

– Когда вернёмся – мы пойдём гулять по Москве, – сказал я.

– Ты же говорил, что у вас всё ещё эпидемия, – заметил Кай, – или всё уже закончилось?

– Не закончилась, к сожалению, – я покачал головой, – вирус оказался хитрее, чем мы предполагали.

– Птички постарались?

– А кто же ещё, – я вздохнул, – мы вовремя его перехватили. Запустили встречную волну из модифицированного штамма, который вытеснил первоначальный вирус ещё в самом начале... это был единственный способ. Вот только сам вирус оказался не так прост. И мы ещё долго будем бороться с последствиями. Я не знаю деталей – Катя не успела всё рассказать. И мы ограничены в манёврах. Сейчас ещё слишком рано, чтобы проявлять все наши технологические возможности, но всё равно пришлось пойти на риск, выпустив продвинутые вакцины по всему миру.

– На что был рассчитан первоначальный вирус?

– Идеальное оружие, – ответил я, – нейровирус на основе бешенства со стопроцентной летальностью, который передаётся воздушно-капельным путём. Они действительно хотели покончить с нами, Кай, отчаявшись добиться нужного эффекта с помощью корретировок временного потока. К сожалению, наш «встречный штамм» пришлось сделать даже более заразным, чтобы он смог вытеснить этот кошмар на ранних стадиях эпидемии и сформировать надёжный иммунитет. Но несмотря на все наши усилия поражающие нейрофакторы были защиты где-то настолько глубоко в код, что мы не смогли вычислить всё. Поэтому итоговый штамм оказался куда опаснее, чем мы смогли рассчитать. Мы несём потери. Жертв уже миллионы.

Кай задумался на какое-то время. А потом сказал:

– Гриша, ты ведь в курсе, какие у нас были отношения с Фазтоном, да?

– Вы уничтожили друг друга, – ответил я, – фактически.

– Да, – кивнул Кай, – мы были смертельными врагами. Но мы никогда не использовали заразу, воюя друг с другом. Мы не сговаривались даже. Не было никаких договоров насчёт этого. Уж не знаю, чем руководствовались они, но у нас это – страшное оскорбление Ареса. Подрыв самой сути нашей цивилизации. Пускай бы лучше Фазтон победил бы и уничтожил нас, чем если бы целая цивилизация погибла от вируса. Понимаешь?

Я вздохнул.

– Я знаю, Кай, – сказал я, – но мы не можем похвастаться тем же... странно, что наша цивилизация, третья версия человечества, рассчитанная на коллективный разум, вдруг оказывается настолько более... – я не смог подобрать правильное слово и запнулся; просто «жестоким» тут не подходило.

– Велинэ, – произнёс Кай на марсианском; это слово невозможно было перевести. У него было два значения: так назывался особый вид живородящих ящериц, живших в районе Западного побережья Южного континента Марса. Чтобы расправиться со своими естественными врагами – крылатыми хищниками – они скармливали им собственных детей, предварительно заражая их особыми паразитами. Другое значение этого слова – особый вид безумия, поражённого которым следовало немедленно умертвить. Эти знания я почерпнул в интерактивной энциклопедии, когда в промежутках между полигонами при подготовке к венерианской миссии я изучал самых диковинных марсианских тварей.

– Всё-таки не совсем, – не согласился я, – были единичные случаи в истории. Была подготовка. Причём готовили такое оружие паразитические эгрегоры, которые, убеждён, не просто так возникли и с которыми остальное человечество успешно справилось.

Кай сделал паузу, пристально глядя на разворачивающийся над нашими головами огромный шар Земли – челнок менял курс и готов был начать разгон в сторону орбиты Венеры, где планировалась точка randevu с Алисой.

– Гриша, а что, если этого внешнего вмешательства не было? – спросил он, наконец, – мы приняли эту гипотезу, но ведь никаких доказательств в голове этого айя ты не нашёл, так?

– Это не они, – я покачал головой, – точно не их уровень. Но мы ведь уже знаем, что тут может быть больше двух игроков, да?

– А если тут всё-таки самое простое объяснение? – настаивал Кай, – если ваша версия человечества, она... – он запнулся, но потом всё-таки закончил мысль: – она хуже нашей?

Я с удивлением посмотрел на напарника. Потом рассмеялся. Кай глядел на меня с выражением крайнего недоумения.

– Ты говоришь так, как будто это имеет значение, – ответил я, – лучше для кого, Кай? Для самих людей? Возможно, тут можно с тобой согласиться, но ведь и ваша цивилизация... то есть цивилизации, мы ведь фаэтонцев считаем. Вы ведь не были идеальными, да? Каково у вас жилось обычному человеку? Жесткая сегрегация общества по интеллектуальному принципу. Авторитаризм. Отсутствие любых социальных лифтов для тех, кто не вписывается в сиюминутные потребности общества. У вас не было безумцев, фриков, которые парадоксальным образом могли бы двигать прогресс, Кай. Да, вы в целом были более гуманными, но что лучше: гарантированно прозябать на дне, впахивая по госпрограмме, или же иметь проблеск надежды?

– Ты хаос считаешь добродетелью... – заметил Кай, – ты на грани ереси...

Я хотел сказать, что всё это время просто подыгрывал ему в этих религиозных вещах, чтобы он легче перенёс гибель родины. Что я не могу к этому относиться серьёзно, что я не верующий... но вовремя прикусил язык.

– Ты прав, – вместо этого сказал я, – давай я не пойду дальше.

Кай облегчённо улыбнулся.

– Но ты неправильно рассуждаешь, – добавил я, – мы не должны рассматривать человечество, пытаясь оценить его по какой-то нашей шкале. Она глубоко вторична. Кай, похоже на то, что нас выращивает искусственно для каких-то своих целей некая сверхцивилизация. Бессмысленно рассуждать о том, какой из видов скота лучше – будучи самим скотом. Напомню, мы затеяли всё это, чтобы вырваться.

– Я думал, ты просто хочешь, чтобы твой мир выжил...

– Нет, Кай, – я покачал головой, – в конце концов, я мог бы остаться в начале прошлого века, и прожить свою жизнь насыщенно, счастливо и богато. Да и ты тоже. Но я бы не смог, зная, что живу в загоне. Всё, что мы делаем – это только и исключительно для того, чтобы получить возможность самим узнать, какие мы на самом деле. Понимаешь?

Кай промолчал.

– И потом. Мы ведь до сих пор не знаем, кто присылает тюрвинги. Кто это сделал тогда, в Кемете? Вы ведь так и не смогли засечь. Так что вмешательство третьей стороны вполне возможно.

Глава 4

До визуального контакта, судя по таймеру, оставалось минут десять, когда радиостанция и приёмник лазерного сигнала почти одновременно сработали, информируя о поступающем вызове.

– Это ещё что? – заинтересовался Кай, и протянул руку, чтобы подтвердить приём данных.

– Стоп! – остановил я его.

– Что?

– Проверь шифр. Даты, – попросил я.

– Действующие, судя по таблицам, – ответил Кай, – да и канал основной, не сверхсекретный.

– У нас режим радиомолчания.

– Значит случилось что-то! Может, Считыватели...

– А источник? – продолжал я, – лазер требует наведения, значит...

– Рядом совсем! – удивился Кай, – дай-ка я...

– Ты же понимаешь, что здесь наших аппаратов не может быть? – спросил я, глядя на интерактивную схему, которую автоматика вывела на главный экран. Источник лазерной передачи находился в точке randevu.

– Это Алиса, – наконец, сообразил Кай.

– Верно, – кивнул я.

– Чего это ей вдруг захотелось поговорить? Хочет обсудить условия сдачи?

– Кай, она компьютер, – заметил я, – более того, она синтетическая личность, обладающая всеми преимуществами квантовой элементной основы. Это как я в постоянном режиме. Только мощнее, наверное.

– Ей нужна связь как оружие. Вирус... психологическая атака.

– А, вероятнее всего, и то и другое.

– По лазерному каналу идёт передача, – заметил Кай, – она пытается нам закачать какой-то большой массив информации.

Вместо ответа я жестом отключил все сенсоры связи.

Через пару минут попытки связаться с нами прекратились. А вскоре мы были в точке randevu.

Я готовился к битве. Был уверен, что Алиса не даст нам так просто добраться до тюрвингов. Наверняка у неё в арсенале ещё оставалось достаточно оружия, чтобы оказать сопротивление челноку. Во время полёта мы с Каем даже проигрывали различные варианты этих сражений: я входил в режим и по сохранившимся фотографиям пытался вычислить, каким оружием могла обладать Алиса. А потом, исходя из этого, строил тактику нападения.

Но вся эта подготовка оказалась совершенно ни к чему.

Когда мы оказались в нужной точке пространства, там висела медленно расширяющаяся серая сфера.

Я по-настоящему испугался. До дрожи в руках. Даже в тот раз, когда нас захватила Алиса, мне не было так страшно: тогда я лихорадочно придумывал план спасения, и было не до испуга. А тут придумывать было нечего. Всё уже произошло. То зло, встретить которое мы готовились, уже было здесь, небрежно демонстрируя свои возможности.

– Плохо дело... – первым заговорил Кай, – нам ведь очень важно было получить тюрвинги, да?

Я молча кивнул в ответ, продолжая наблюдать за расширяющейся сферой. Гайя действительно считала, что мы должны собрать все семь тюрвингов. По какой-то причине это было важно. Более того, они уже были собраны – после того, как Лев достал на Луне седьмой. И вот, теперь мы потеряли три просто потому, что решили повторить тот ход событий, который привёл к моей заброске в прошлое.

– Ребята, что у вас? Мы не получаем картинку. Вы на месте? – голос Кати в наушниках звучал тревожно; мы пользовались обычной радиосвязью, значит, эта фраза была сказана пару минут назад, когда наступило расчётное время прибытия в точку рандеву.

Вместо ответа я молча снова активировал наружные сенсоры. Четыре минуты длилось молчание. Потом Катя снова заговорила. Её голос звучал удивительно спокойно, учитывая обстоятельства.

– Подбирайте тюрвинги и двигайтесь обратно, – произнесла она.

До меня не сразу дошёл смысл сказанного.

– Пошлите бота, – продолжала она, – сами не выходите. Мы не знаем свойства этой пыли. Лучше не рисковать.

Только после этого я посмотрел на экраны сканеров, работающих вне оптического диапазона. Они довольно точно вычислили форму и положение тюрвингов внутри пылевого облака. Все три предмета находились точно в центре.

– Это... очень странно, – констатировал Кай, открывая панель управления одним из исследовательских ботов, – получается, тюрвики неуязвимы даже для Считывателей?

– Я не знаю, Кай.

Когда бот стартовал, я почувствовал лёгкий толчок. Колебание было слишком незначительным, чтобы включились гравикомпенсаторы.

– Гриша, вы ведь не записали передачу? – до нас дошёл следующий вопрос, который задала Катя.

– Нет, конечно, – ответил я.

Через четыре минуты, когда бот уже подошёл вплотную к тюрвингам и разворачивал манипулятор, пришло следующее сообщение:

– Гриша, на тот момент вы поступили правильно, – сказала Катя, – но теперь я считаю, что в сообщении могло содержаться нечто критически важное. Алиса уже понимала в тот момент, что гибель неизбежна. Она могла переоценить приоритеты и дать нам нечто, что, возможно, поможет в борьбе.

– ...или ускорит нашу гибель, – вмешался Кай.

– Наши дальние станции имеют директиву игнорировать сигнал, я предусмотрела это заранее, – продолжала Катя, конечно, проигнорировав реплику Кая (она услышит её через пару минут), – очень в духе Алисы – пользоваться вирусами. Теперь мы не успеваем отменить директиву, чтобы перехватить его. Мы упустили время. Но, думаю, нам нужно добыть эту информацию. Есть только один доступный способ, Гриша. Не дожидайся следующего сеанса, и не отвечай на это сообщение. Начинай действовать. Возьми с собой изолированный приёмник из аварийного запаса, с достаточным объемом памяти. Как только сделаешь запись – сразу обратно. Я создаю «песочницу» на нашей лунной базе, чтобы попытаться его расшифровать. Не теряй время – стартуй сразу. Тогда есть шанс добраться до сигнала раньше, чем ты будешь вынужден выйти из режима.

Мы с Каем переглянулись.

– Я с тобой! – сказал напарник.

– Нет, – я помотал головой, – это даже не обсуждается. Тюрвинги слишком важны. Где гарантия, что Считыватели снова не вмешаются? Нужно двигаться к Земле как можно быстрее. К тому же, я против, чтобы Лев остался на борту один.

– Если бы они хотели что-то нам сделать, то уже сделали бы это, – ответил Кай.

– Мы не знаем их мотивации, – возразил я, – и, может, всё дело во времени? И радиусе действия этих их... штуковин, которые в пыль превращают?

– Мы можем взять тюрвинги с собой, – не сдавался напарник.

– Я справлюсь, – вмешался Лев.

– Всё равно очень плохая идея, – ответил я, – к тому же, с тобой радиус прыжков сократится почти в два раза! На Земле это не так заметно – но я ведь буду прыгать на пределе дальности.

Кай подумал секунду. Потом кивнул.

– Прав, – констатировал он, – тогда не теряй время. И будь осторожнее, хорошо?

Я натянуто улыбнулся в ответ. Мне по-прежнему было очень страшно.

Глава 5

А ведь тюрвинг перемещения тоже, получается, не сильно-то и отличался от временного тюрвинга. Мгновенно преодолевая огромные куски пространства, я как бы оказывался в прошлом. Это ведь тоже нарушение принципа причинности, такое же насилие над пространством-временем. Только немного в другом направлении, пожалуй.

Я подготовился как мог, в спешке. Проследил, чтобы запасы питательного раствора, воды и кислорода в скафандре были на максимуме. Лев прогнал стандартный тест всех систем жизнеобеспечения, и только после этого дал добро на выход в шлюз. Он официально отвечал в экипаже за вакуум-оборудование.

Перед первым прыжком я подумал, что было бы неплохо иметь с собой портативную навигационную систему, которая могла бы ориентироваться по звёздам, но у нас на челноке такой просто не было, даже в аварийном запасе. Скафандры тоже ей не оснащались, так как не предполагали такой степени автономности. А ведь эта система могла бы сильно расширить доступный диапазон прыжков. В скафандре можно прожить даже неделю, штатных запасов и фильтров хватило бы. Не слишком комфортно и гигиенично, но реально. Так и до звёзд допрыгать можно! В конце концов, именно на межзвездные путешествия была рассчитана венерианская сфера, где я и обнаружил тюрвинг. Только в режиме, конечно, столько времени провести невозможно, а, значит, нельзя будет вернуться обратно.

Выдохнув, как перед прыжком в воду, я поднял тюрвинг. Вошёл в режим. Сориентировался так, чтобы уйти выше плоскости эклиптики. Помахал рукой Каю. Увидел, как он кивнул в ответ мог разглядеть жест через небольшое окошко шлюзового отсека. И переместился глубоко в холодную черноту.

Чтобы уйти на расстояние, достаточное для перехвата радиосигнала, понадобилось десять прыжков. Я уже бывал в космосе в одном скафандре, когда исследовал ажурную сферу. Должен был привыкнуть, наверное. Но почему-то в этот раз путешествие далось значительно тяжелее психологически. Я буквально физически ощущал ту пропасть, которая встала между мной и ближайшим признаком цивилизации... да что там цивилизации – даже до ближайшей каменной глыбы, куска твёрдой материи было несколько десятков минут полёта со скоростью света... что, если тюрвинг вдруг откажет? Или неисправность в скафандре, из-за которой упадёт давление, и я не смогу войти в режим? Спасать меня будет некому.

Восстанавливая душевное равновесие, я прикрыл глаза. Так стало только хуже. Тогда я посмотрел на огоньки индикации состояния систем жизнеобеспечения, которые горели спокойным зелёным светом справа, на внутренней стороне визора. Стало полегче.

Откуда вдруг во мне такая жуткая тревожность? И это при том, что в режиме чувства притупляются. Даже представлять не хочу, что было бы со мной в обычном состоянии.

Я вдруг смутно вспомнил, что нечто подобное испытывал, когда меня готовили к перегрузкам на центрифуге. После этого на нас напали два айя, и Катя спасла нас, используя тюрвинг замедления времени... и внутри сферы тоже, нечто давило на психику...

Было в этой мысли что-то такое... может, и ничего важного, но это нечто было логически связано с тем, что происходило сейчас. Интересно, режим притупляет интуицию так же, как эмоции? Я не мог этого знать. Да и мысль додумать не успел: в это время сработал заранее настроенный на нужную частоту приёмник. Отчаянные сигналы Алисы догнали меня.

Сигналы повторялись с небольшим перерывом. Для верности записав несколько серий, я подготовился к прыжку обратно, но замешкался, увлечённый вычислениями. Зная частоту и способ модуляции сигнала, было несложно прикинуть его информационную ёмкость. И она оказалась на порядок ниже того, что Алиса пыталась передать нам с помощью лазера. Значит,

послания не были идентичными. Но лазерную передачу на таком расстоянии перехватить было уже невозможно.

Оставалась небольшая лазейка – временной тюрвинг. Но пользоваться им в ближайшее время я точно не планировал. Отправить Кая и Льва в прошлое, под бок к погибающим Алисе и Считывателям? Да ни одна информация в мире не стоила такого риска.

Дождавшись пока сигналы прекратятся, я ещё раз убедился, что нужные ячейки памяти заполнены и закрыты, нацелил тюрвинг туда, где, как я знал, находился челнок, и готов был нажать на спусковой крючок. Но тут моё внимание привлёк странный радужный блеск, едва уловимый периферическим зрением.

Я повернул голову в ту сторону. Пригляделся, потратив целую минуту драгоценного времени. И в тот момент, когда я уже собирался активировать тюрвинг, чтобы вернуться обратно, снова увидел этот слабый проблеск. Будто крошечная радужная искорка зажглась на мгновение в бездонной глубине космоса.

Времени на раздумья не оставалось. В моём распоряжении был питательный раствор из скафандра. Он, конечно, позволял существенно растянуть время, доступное в режиме, но не до бесконечности.

Я прыгнул в ту сторону, где увидел проблеск. Точное расстояние определить было невозможно, даже в режиме. Поэтому я переместился на половину максимальной дальности. Оставался шанс, что блестящий объект был совсем небольшим. В этом случае он оказался бы между мной и исходной точкой для прыжка. Поэтому после финиша я, используя двигатели скафандра, расположился так, чтобы в поле периферического зрения попали оба конца воображаемого отрезка, на который я переместился.

Но эта предосторожность оказалась излишней.

Объект был огромен. Он вынырнул из черноты космоса. Блеснул одной стороной в лучах далёкой горошины Солнца, и снова растворился среди звёзд, как будто его и не было.

Я сделал ещё один прыжок, чтобы подобраться к объекту вплотную, и теперь смог разглядеть его отчётливо. Оказалось, что это был не один объект. Точнее, возможно, когда-то он был единым целым, но теперь всё выглядело так, как будто какая-то неведомая сила разрезала его на толстые «блины». Поверхность «блинов» в точках предполагаемого среза была идеально гладкой по краям. Именно эти плоскости отбрасывали радужные блики.

Вся эта конструкция синхронно вращалась. «Блины» не сталкивались друг с другом, и это мне показалось странным: как можно было разрезать его, не прилагая никаких направленных усилий? Хотя бы даже давления мощного светового пучка? Я усилием воли остановил эти размышления, чтобы не расходовать ресурс режима.

Внешняя поверхность «блинов» показалась мне знакомой. Очень старая, выщербленная, со следами многочисленных столкновений с микрометеоритами. Где-то даже виднелись следы заплаток... Даже в режиме я больше секунды соображал прежде, чем понял, что передо мной корабль одноклеточных.

Активировав движки, я приблизился к ближайшему разрыву. Включил мощный встроенный фонарь. Внутри виднелись корабельные помещения, хорошо знакомые мне по приключениям в прошлом. Такие же коридоры и камеры.

Когда я приблизился достаточно близко, то смог разглядеть, что эти помещения вовсе не были пустыми. В некоторых висели тела бывших хозяев корабля. Они были тоже разрезаны на аккуратные блины, через равные промежутки. Срезы льдисто поблескивали в свете фонаря. Над каждым телом висел отдельный маленький сгусток, в котором я не сразу признал органеллу, ответственную за мыслительную деятельность у этих пришельцев. Мозги были тоже «нашинкованы» тонкими блинами.

Чувствуя подкатывающую слабость, я сделал очередной глоток питательной смеси. После чего отвернулся от погибшего корабля и начал серию прыжков, чтобы вернуться на челнок.

Ориентирование, несмотря на режим, происходило не мгновенно. И у меня была возможность подумать об увиденном. Каковы шансы на то, чтобы в космосе мне удалось столкнуться с чужим погибшим кораблём? Режим тут же дал готовый ответ: один к десяти в двенадцатитысячной степени. Впрочем, я не учёл один важный момент. Во время старта я выбирал направление не наобум, а вычисляя в режиме наиболее безопасный путь, отталкиваясь от многих известных мне параметров Солнечной системы. Возможно, одноклеточные делали похожие вычисления, и какие-то факторы совпали несмотря на то, что с момента их старта прошло много времени.

Похоже, и я и они ошибались.

Глава 6

Мы прилунились в тайном ангаре Братства, на обратной стороне. Накопитель с записью сигнала Катя забрала сразу и передала каким-то неизвестным мне специалистам. Меня, Льва и Кая проводили в апартаменты для отдыха. Мы даже успели привести себя в порядок, перекусить и принять душ. Кстати, душ на Луне – очень забавный аттракцион. Из-за низкого веса воды создавалось впечатление, что моешься каким-то легким химическим гелем. Но это всё равно было гораздо лучше, чем гигиенические процедуры в невесомости.

Катя вернулась где-то через час. Выглядела она задумчиво и растеряно.

– Так. Похоже, это всё-таки не вирус, – сказал я.

– Нет, Гриша, – она помотала головой, устраиваясь за круглым столом, который стоял в середине помещения, – не вирус.

– Делись уж, – продолжил я, присаживаясь рядом, – стоило оно того или нет?

– Я не знаю, Гриша, – Катя улыбнулась, – возможно. Пока что я сама не могу разобраться, что это – ловушка или путь к спасению.

– А можно поконкретнее? – вмешался Лев, – она что, успела передать рецепт какого-то оружия против Считывателей?

– Нет, – Катя покачала головой, – всё гораздо интереснее. Там координаты.

– Координаты? – оживился Кай, – какой-то тайный схрон на Земле? Ты же понимаешь, что его надо уничтожить, не пытаясь вскрывать?

– Звёздные координаты, – уточнила Катя.

Мы с Каем переглянулись.

– И... как это может помочь нам, в нашей ситуации? – осторожно поинтересовался я, – у нас нет кораблей, способных к межзвёздным полётам сейчас. Насколько я понимаю. Или есть?

– Гриша, у нас почти готов эвакуационный астероид, – ответила Катя, – на этот проект ушло много ресурсов, но я помнила опыт Марса. Им ведь удалось спасти будущее своего народа. Было бы глупо это не использовать, согласен?

Я поражённо замолчал. Это ведь очень важный момент. Можно сказать, даже критический. Почему мы не обсуждали его раньше?

– Я не говорила никому из вас, чтобы не возникало пораженческих мыслей, – пояснила Катя, словно прочитав мои мысли (может, и правда прочитала? Я подозрительно прислушался к своим ощущениям, пытаюсь определить присутствие Гайи), – это могло повредить реализации планов подготовки человечества.

– Так... и к чему всё это? – растерянно спросил я, – мы пошлём зонд? Но даже при использовании лучших технологий ответ мы получим уже после того, как разрешится кризис со Считывателями. Так или иначе. Есть ли смысл вообще обсуждать это тогда?

– Гриша, дело в том, что мы не можем засечь корабль Считывателей, – сказала Катя.

– И... что это должно значить? – растеряно спросил я.

– Мы не знаем. Ты же помнишь, мы рассчитывали, что считывание начнется сразу, или почти сразу, как ты отправишься в прошлое.

– Ты что, в прошлое собрался? – удивился Лев.

– Да другой он, – вместо Кати ответил Кай, отмахнувшись, – который уже отправился.

– Но оно не начинается, – сказал я.

– Оно не начинается, – согласилась Катя, – и мы пока не можем понять – это отсрочка или мы случайно сделали нечто...

– Ну на это я бы точно не рассчитывал, – Кай сложил руки на груди, – у Считывателей нечеловеческая логика. Но они точно не привыкли отступать.

– Кстати, насчет считывателей, – сказал я, – там, по дороге, я видел кое-что. Катя, ты ведь не просматривала запись с регистратора скафандра?

– Нет, Гриша, – Катя улыбнулась, – а стоило?

– Я нашёл корабль одноклеточных.

– Вот как? – Катя удивлённо округлила глаза, – это... тот же корабль, или они решили посетить нас повторно? Куда они летят?

– Они уже никуда не летят, – я покачал головой, – их кто-то уничтожил. Очень странным образом. Думаю, это тот же корабль, с которым мы имели дело.

– Что значит – странным образом? – спросил Лев.

– Катя, ты можешь попросить вывести запись с регистратора на экран? – попросил я.

– Кого попросить? – ответила Катя, – Гриша, наши миссии секретны даже внутри Братства. Специалисты нужного допуска занимались расшифровкой сигнала, они физически отделены от основных сооружений базы. Я не смогу это сделать по щелчку пальцев.

– Ну, я имел ввиду, может, ты сама...

– Гриша, мы не на Земле. Тут нет моего мицелия.

– Ладно. Тогда потом посмотришь. Их словно кто-то нашинковал на ровные кусочки. Корабль. Самих пришельцев. И отдельно их мозги.

– Если это произошло сотни миллионов лет назад – фрагменты должны были прилично разойтись в пространстве, – заметил Кай, – ты что, успел пропрыгать их все?

– В том-то и дело, – ответил я, – никуда они не разлетелись. Все куски идеально сбалансированы друг с другом. Я даже не знаю, как у них это получилось. Корабль издали выглядит как единое целое. Но он нарезан на куски.

– Это невозможно, – сказал Кай.

– Если только нечто не поддерживает их в таком состоянии... – глубокомысленно произнесла Катя.

– Нечто? – спросил Лев.

– Надо проанализировать запись. Потом будем думать, что с этим делать, – ответила Катя.

– Ты знаешь, какова вероятность, чтобы ты случайно наткнулся на погибший корабль? – спросил Кай, обращаясь ко мне.

– Знаю, – я кивнул в ответ, – высчитал в режиме. Но потом пересчитал с учётом некоторых дополнительных вводных...

– Каких вводных? – Кай всплеснул руками.

– Думаю, он говорит про выбор оптимального направления для выхода из системы, – ответила Катя, – я верно поняла?

– Ага, – кивнул я, – в режиме такие вещи считаешь автоматически.

– Мы займёмся кораблём, – ответила Катя, – я придумаю, как отправить туда исследовательскую миссию. Пока у нас есть время.

– Мы... разве не сами будем этим заниматься? – удивился я.

– Гриша, у меня будет другое предложение, – сказала Катя после небольшой паузы, почему-то опустив глаза, – давай вернёмся к координатам, которые нам удалось перехватить.

– А что с ними? – спросил я, чувствуя какое-то смутное беспокойство, – это что-то дико далёкое, да? Может, в другой галактике?

– Нет, Гриша, – Катя улыбнулась, – совсем нет. Каких-то двенадцать световых лет.

– И... что там находится? Таинственная аномалия?

– Там находится система звезды Тау Кита, – ответила Катя.

– Двенадцать световых лет... – проговорил Лев, – даже с нашими технологиями об этом пока и мечтать не следует. Наш корабль-ковчег добрался бы туда за полтора века. Но вы ведь планировали послать его в совсем другой сектор, верно?

– Ты что, был в курсе этого проекта? – нахмурился я, ощущая нечто вроде укола ревности.

– Гриша, он помог нам достать седьмой тюрвинг с Луны, – пояснила Катя, – он курировал этот проект, как представитель ближнего круга.

– Вот как...

– Так что мы обсуждаем, если в ближайшее время нам туда точно не добраться? – Кай пожал плечами, – может, вернёмся к плану планетарной обороны? Я вот не уверен, что Считыватели в нашем случае будут действовать обычным образом. Может, они уже к нам проникли, и готовят массовые исходы, как тогда, в городе...

– Я бы почувствовала, – заметила Катя, – за прошедшее время я научилась таким вещам. Но дело в том, что у нас есть возможность провести разведку этих координат уже сейчас. Точнее не у нас. Она есть у Гриши.

Я не сразу смог поверить, что она это серьёзно. Но выражение её глаз не оставляло сомнений.

– Думаешь это того стоит? – спросил я.

– Расчеты показывают, что да, – в этот раз Катя уверенно смотрела мне прямо в глаза, – можешь войти в режим, проверить.

– Вот как... – в режим я входить не стал.

– Стоп! – Кай в уже вполне земном жесте выставил впереди ладони, – вы что, серьёзно все? Вы хотите, чтобы он отправился к другой звезде? С этой... с этим... – он пару раз щёлкнул пальцами, подбирая подходящее слово на русском, после чего выдал: – пукалкой!

– Кай, тюрвинг это всё-таки более серьёзная вещь, чем пукалка, – ответил я спокойно и серьёзно, – и потом. Ты же видел – венерианцы целую межзвёздную капсулу на его базе построили!

– И чем это для них закончилось, ты помнишь?

– Я думаю, Катя права, – сказал я, – надо разведать. Но мне понадобится помощь. Приборы. Запасы. В одном скафандре такое путешествие будет слишком затруднительным.

– Тогда я пойду с тобой! – Твёрдо сказал Кай.

– Это в два раза увеличит число требуемых прыжков, Кай, – заметил я, – а, значит, в два раза удлинит миссию. Учитывая, что Считыватели могу вернуться в любое мгновение – это не то, что мы себе можем позволить.

Кай набрал в грудь воздуха, но, видимо, не смог подобрать нужных аргументов. Он выдохнул.

– Это безумие, – сказал он.

– Кай, – ответил я, – когда мы с тобой приземлились на челноке на Землю впервые, мне это тоже казалось безумием. Я даже был уверен, что мы не сможем добраться до нашего времени. Я только хотел попытаться.

Напарник вздохнул. Глянул мне в глаза. Потом спросил:

– Тебя не переубедить?

– Нет, Кай. Извини.

– Тогда я возьму на себя подготовку твоего снаряжения, – сказал он, – если ты не против.

– Спасибо, – кивнула Катя, – это очень поможет. У нас мало людей с нужным допуском.

– Сколько у меня есть времени? – спросил я.

– Часов двенадцать, Гриша, – ответила Катя, – мы вынуждены действовать очень быстро. Я буду помогать Каю.

– Ясно, – кивнул я, – все тюрвинги там, где я думаю?

– Да, Гриша, – кивнула Катя, – после того, как вы приземлились, они не покидали хранилища. Какой тебе нужен? И для чего?

- Перемещения, конечно, – я пожал плечами, – мне надо кое-кого навестить. Я повёл себя по-свински, ограничившись телефонным разговором. Надо это исправить.
- У тебя были обстоятельства некоторые... – заметила Катя.
- Обстоятельства всегда есть, – ответил я, – но надо уметь оставаться людьми.

Глава 7

Вот уж никогда бы не подумал, что не способен полностью контролировать внешнее проявление своих чувств. Но всё когда-то бывает впервые.

Когда я увидел, как мама выходит из симпатичной виллы, на самом берегу моря, возле Олимпийского парка, во мне словно кто-то обрезал тугую струну, удерживавшую меня всё это время.

Я еле устоял на ногах. На глаза навернулись слёзы, которые я сдерживал из последних сил.

Мама сначала улыбнулась, потом озабоченно нахмурилась и подбежала ко мне. Мы обнялись без слов. И только спустя минуту она спросила:

– Сынок, что случилось?

В тот момент я не смог ответить.

Мы сидели вечером, на балконе виллы и смотрели на набережную. Народу было много; эпидемия отступила, люди как будто пытались наверстать упущенные возможности общения. Пахло едой и морем.

– ...поначалу я, конечно, был против, – говорил папа, – ну сам подумай: к чему нам эта показная роскошь? Мы что, олигархи какие-то?

– А потом мы вошли во вкус, – засмеялась мама; папа улыбнулся в ответ.

– Да, есть такое дело, – согласился папа, – к комфорту быстро привыкаешь. А мы уже не в том возрасте, чтобы игнорировать возможности, которые посылает жизнь.

– Так что у тебя случилось, Гриша? – спросила мама, разливая по бокалам какое-то вино; в свете заката оно было ярко-рубиновым, и красиво стекало по стенкам бокала, – когда ты пришёл, у тебя был такой вид, как будто мы не виделись сто лет.

Я подумал пару секунд, глядя в маме глаза. А ведь врать или увиливать теперь нет никакой потребности. Я волне могу рассказать родителям о том, что на самом деле со мной происходило. Более того – нет ни одной причины, почему бы мне не сделать этого прямо сейчас.

Я улыбнулся маме. Потом сказал:

– Только не думайте будто я сошёл с ума, хорошо? У меня с собой доказательство, что все мои слова – правда. И я вам его обязательно покажу.

Папа с мамой немного растерянно переглянулись. Потом мама кивнула. И я начал рассказ.

Пужинав, мы спустились вниз, к бассейну. Папа заметно нервничал, у него тряслись руки. Мама тихо плакала. Как я и думал, родители мне поверили сразу. Я, конечно, всё равно продемонстрировал им, как работает тюрвинг. Возможно, даже чересчур наглядно: я показал папе, как выглядит Сочи с высоты птичьего полёта в свободном падении. Конечно же, я знал, что у него совершенно здоровое сердце, иначе не решился был.

– Ну же, ребят, чего вы молчите, а? – беспокоился я.

Мама всхлипнула.

– Садись, сын, – отец указал на один из шезлонгов, – дай нам прийти в себя.

Мало-помалу слёзы прекратились. Мама вытерла откуда-то взявшимся в её руках платком. Вздохнула. Потом сказала:

– Ты мог хотя бы предупредить...

– Не мог, мам, – ответил я, – объяснял уже, как виделась мне ситуация в тот момент.

– Мне неприятно думать, что между нами появились тайны, сын, – вздохнул отец, но потом добавил: – однако считаю, что в той ситуации ты поступил правильно. Должно быть понятие тайны. И нечего лишний раз мать волновать.

– Пашка! – возмутилась мама.

– Что – Пашка? Скоро шестьдесят лет, как Пашка. Прав сын. Не было у него выбора.

– Я чувала, да, – мама покачала головой, – мне сны разные снились...

– Мама, – я подошёл к ней, взял в руки прохладные ладони, – я здесь. Я живой. Это всё уже позади.

– Да не совсем позади, судя по тому, что ты рассказал, – заметил отец.

– Ты же откажешься от предложения, да? – спросила мама, имея в виду наш разговор с Катей насчёт сигнала и Тау Кита.

Я промолчал.

– Но это же полное безумие... – прошептала она тихо и снова заплакала.

Я вздохнул. Поднялся. И уже направился было в дом – смотреть на слёзы матери было выше моих сил. Но отец окликнул меня:

– Григорий! – он называл меня полным именем, если хотел сказать что-то важное.

– Да, пап? – обернулся я.

– Посиди с нами. Мы разучились ценить время, которое проводим вместе.

Через пару часов мама успокоилась. Мы говорили о разных вещах; вспоминали моё детство. А потом, немного поколебавшись, мама всё-таки решилась задать вопрос, который, видимо, беспокоил её всё это время:

– Гриша, а можешь показать эту свою супердевушку?

– Катю? – переспросил я, немного удивившись – маму редко интересовали мои подруги. Точнее, поначалу-то интересовали, но после пятой или шестой она перестала меня спрашивать о личном.

– Нет, мам, – ответил я, – у меня и смартфона-то сейчас нет.

– А... она может нас слышать? Прямо сейчас, да?

Я огляделся. Возле бассейна был ухоженный газончик, а за ним – ещё какие-то насаждения, уверен, выполненные по последним веяниям ландшафтного дизайна.

– Технически да, – ответил я, – но не думаю, что она это делает.

– Ты в ней так уверен?

– С учётом того, что мы прошли – да, мама. Уверен. Понимаешь, у неё была возможность полностью уничтожить человечество. Но вместо этого она сама решила стать человеком. И она больше человек, чем многие биологические представители нашего вида.

– Хорошо, – мама кивнула, бросила взгляд на папу и опустила глаза, – я хочу тебе сказать кое-что.

– Конечно, мам, – улыбнулся я.

– Только ты пойми. Ладно? – мама вздохнула. Посмотрела на меня. В её глазах была тревога.

– Мам, ты о чём вообще?

– Я не всё рассказала тебе про ту ночь, когда твой папа нашёл меня в лесу.

Мы с папой переглянулись.

– Я никому это не рассказывала, – вздохнула мама, – да никто бы и не поверил. Потому что в жизни так не бывает, – она посмотрела на папу, – Пашка, прости. Но я правда не могла. Ты бы заподозрил, что со мной происходит что-то нехорошее. Ты... очень рациональный человек. Тебе даже до сих пор сложно принять то, что происходит с Гришей, верно? Ты держись, но я же вижу, как тебе тяжело.

Папа поёрзал на пластиковом стуле. Потом опустил глаза и как будто опал, сдавшись обстоятельствам.

– Мы ведь очень хотели сына, – продолжала мама, – и я не всё тебе рассказала после того обследования. Просто не нашла в себе сил... всё собиралась, собиралась... я тогда много гуляла возле нашего дома, по парку... ходила в церковь... молилась... просила любые силы, которые могли как-то мне помочь. Тебе это сложно понять, Пашка, я знаю...

Папа медленно поднялся. Подошёл к маме.

Мама замерла на кончике шезлонга, глядя на отца со смесью тревоги, надежды и нежности.

Папа опустился перед ней на колени. Потом обнял, прижав к себе. И поцеловал.

– Я люблю тебя, Валя... глупышка ты, – прошептал он тихо, но я всё равно расслышал.

– Меня слышали силы, к которым я обращалась, – продолжала мама, вытерев слёзы, – однажды вечером, когда ты задержался на работе, я гуляла в парке. Ужин был уже готов, так что времени было достаточно. Уже стемнело, народу никого... только фонари светят с ближайшей дороги. И я увидела белый отблеск среди деревьев. Это была женщина. Молодая, красивая... тогда я решила, что это сам дух земли, – мама вздохнула и потёрла виски, – да, в тот момент я сама сомневалась, что это происходит наяву. Решила, что моя голова от горя подсовывает то, что я хочу видеть... но в то же время верила так, как не верила ещё ни во что... мы говорили с той женщиной, довольно долго. Она пообещала мне, что я рожу особенного сына, который спасёт всё человечество... – мама снова глубоко вздохнула и поглядела на меня с грустной улыбкой, – да, именно так она и сказала... я спросила тогда у неё: в чём подвох? Какова будет цена чуда? Я боялась, что она скажет что-то вроде того, будто сыну суждено умереть, спасая всех... как это обычно в сказках бывает. Но она не сказала этого. Представляете? – мама всхлипнула, и снова вытерла слёзы, – наоборот. Она пообещала, что будет хранить его из всех сил. И помогать ему.

– И... всё? – недоверчиво спросил папа, – никаких дополнительных условий? Что ей на самом деле от тебя было надо?

– Почти, Пашка, – ответила мама, – был один... момент, который она сразу проговорила. Она сказала, что нам нужно быть осторожнее с врачами. Потому что ни один генетический тест не сможет подтвердить, что Гриша – наш сын. Мы должны избегать таких тестов. Я, конечно, знала про суррогатное материнство, и спросила её – она хочет, чтобы я стала для этого ребёнка суррогатной мамой? И честно скажу, Пашка – я бы всё равно согласилась! Если бы она пообещала мне, что я смогу вырастить этого ребёнка, своего сына... – мама сделала паузу, чтобы вытереть слёзы.

– Валя, ты сказала «согласилась бы»? – заметил отец, – было что-то ещё?

– Да, Пашка, было, – мама два раза кивнула головой, – она сказала, что на самом деле Гриша будет настоящим нашим ребёнком. Она использует твои и мои гены. Но в такой комбинации, что ни один детектор не определит наше родство. Это будет нужно, чтобы ребёнок обладал определёнными способностями. Она рассказала, что получила знания о том, как это сделать из таинственного манускрипта, попавшего к ней в руки. Там описывается, как можно создавать супер-людей, способных защищать миры...

Мы с Гайей не обсуждали детали подготовки моего рождения. Я просто оставил это ей. Для меня было очень странно и неловко общаться на такие темы с любимой девушкой. Конечно, это всё предрассудки, умом я понимал это, но всё равно было ужасно неудобно. Это невозможно объяснить рационально. Наверно, чтобы понять моё состояние – надо просто оказаться на моём месте. Но, выслушав мамин рассказ, я был очень рад, что Гайя рассказал всё честно. Без утайки. Это очень важное обстоятельство.

– Представляешь, каково мне было, когда Гриша спросил нас про анализ? – мама грустно улыбнулась, – тогда я решилась рассказать часть истории. А сегодня – всё остальное.

– Когда ты пошла в лес ночью, ты уже знала, что будет? – спросил отец, – Валя, было бы лучше, если бы ты хоть как-то намекнула... с тобой могло всё, что угодно случится!

– Нет, Пашка, не могло, – мама покачала головой, – та женщина не допустила бы ничего плохого. Я в этом уверена. И я действительно была без сознания, и не знала точный день, когда это случится. Она сказала, что моё эмоциональное состояние было очень важно для процесса, а она вынуждена следовать рецептам из того манускрипта... поэтому всё случилось так.

– Ясно, – кивнул отец.

После этого разговора мы молчали минут десять, но не расходились. А потом, мало-помалу, заговорили о других делах. Про папину работу. Про проклятую пандемию, которая всех достала. Про Кавказ и его историю... дошли и до моего будущего прыжка к другой звезде. И в этот раз мама приняла эту новость. Конечно, её беспокойство не исчезло – но где-то в глубине её глаз я читал совершенную уверенность в том, что всё будет хорошо.

Глава 8

Всего за день техники на лунной базе под руководством Кая и Льва умудрились создать полноценную жилую капсулу. Конечно, она была очень миниатюрных размеров, которые даже близко не могли сравниться с изделием погибшей венерианской цивилизации. Ведь любая дополнительная масса будет означать увеличение количества прыжков а, значит, и времени всей миссии. Тем не менее, там было всё необходимое: система жизнеобеспечения, способная поддерживать жизнь одного человека в течение целого месяца, запас провизии и даже продвинутая система развлечений. «Наверняка будут минуты, когда тебе захочется чего-то такого», – объяснил Кай. И я с ним согласился.

Капсула стояла в небольшом ангаре – шлюзе, сверху замаскированном под лунную поверхность. Нелишняя предосторожность, учитывая, что существование базы оставалось тайной для правительств.

Внешне она выглядела незамысловато: простой цилиндр с толстыми иллюминаторами, полутора метров в диаметре и четырёх метров в длину. На торцах – выступы динамической радиационной и противометеоритной защиты. На решетчатых фермах, за плитой защиты – питающий систему изотопный реактор. С противоположного торца на цилиндре был круглый иллюминатор, оснащенный продвинутой системой звёздной навигации. Это чтобы мне не пришлось постоянно находиться в режиме.

Я был в скафандре. Техники рекомендовали оставаться в нём как можно большее время, и снимать только для того, чтобы поменять мембранный комбинезон и помыться. И я, пожалуй, был склонен прислушаться к их рекомендации.

Провожать меня вышли Катя, Лев и Кай. Персонал базы, после подготовительных операций, покинул ангар.

Мы стояли молча. Наверно, мне нужно было сказать что-то ободряющее, но совершенно ничего не приходило в голову.

– Я мечтал в детстве, что когда-нибудь полечу к звёздам, – первым начал Кай, – когда вернёшься, расскажешь, что там и как. Договорились? Пускай готовятся.

– Не рассчитывай, что полетишь туда один, – сказал Лев, обращаясь к Каю.

Они улыбнулись друг другу.

Катя посмотрела мне в глаза. Попыталась улыбнуться, но от этого усилия у неё из глаз тихо потекли давно сдерживаемые слёзы.

– Эй, эй, эй! – произнёс я, после чего подошёл к ней и обнял. Потом мы поцеловались. Странно, но почему-то после этого поцелуя тоска, поселившаяся было в сердце, растворилась. Появилось солнечное, почти радостное ощущение, что всё будет хорошо.

– Я бы хотела провести следующие две недели в стазисе Гриша, – вздохнула Катя, – но всю меня туда не засунешь.

Я улыбнулся.

– Когда мы путешествовали, часть тебя ждала нас сотни тысяч лет, – сказал я.

– Да. Но тогда мы оставались под полным моим контролем.

– Свобода – это не всегда плохо, – попытался возразить я.

– Не путай свободу с неведением, – ответила Катя и неожиданно добавила: – я люблю тебя, Гриша. Береги себя. Ладно?

– Конечно, – кивнул я, – да не переживай – у меня большие планы на будущее. На наше будущее.

Я кивнул. По очереди обнял Кая и Льва. И полез в своё новое обиталище.

Межзвездные расстояния – это очень, очень и очень большие пропасти пространства. Тюрвинг, возможности которого на Земле, и даже в пределах Солнечной системы выглядели безграничными, теперь казался детской игрушкой. Как будто я на маленьком самокатике отправился в путешествие в другой город.

В этот раз я намеренно выбрал неоптимальную траекторию прыжков. Чтобы случайно не натолкнуться на то, что «нашинковало» корабль одноклеточных. Когда Солнечная система осталась позади, а родная звезда слилась со звёздным роем в первозданной черноте, я выправил траекторию прыжков.

Тау Кита была теперь прямо по курсу. И самым психологически сложным моментом было то, что она визуально не росла даже после пары сотен прыжков.

На первую ночёвку я остановился часов через шесть. По привычке я слишком много раз входил в режим, поэтому довольно сильно утомился. Конечно, при желании можно было прыгать и дальше, но я решил побереечь силы. Ведь мне предстоял настоящий марафон, и негоже было истратить все силы на спринте.

Я снял скафандр (это было совсем не просто в таком маленьком помещении), сходил в душ. Поменял комбинезон на новый. Хотел зафиксироваться в подвесе, чтобы поспать, выключил свет. И только в эту минуту понял весь масштаб того, во что ввязался.

Раньше, даже в самых опасных ситуациях, я никогда не оставался настолько один. Всегда кто-то страховал. Даже на борту у Алисы – я смог разыграть комбинацию, потому что был не один. Даже когда оказался голым в вакууме – это продолжалось считанные секунды. На Венере рядом был Кай (даже когда я его спасал). На Земле, после знакомства с Гайей, помощь всегда была рядом, и я к ней настолько привык, что уже начал считать её частью естественного порядка вещей.

А тут я снова был совершенно один. Ближайшая возможная помощь – в шести часах непрерывных прыжков. И она отдалится на целых две недели, по нашим расчётам.

Любая несчастная банальность теперь может быть фатальной. Из медицинской помощи на борту только элементарная аптечка. Банальный аппендицит меня прикончит.

Мне остро захотелось развернуться и прыгать обратно, с как можно большей скоростью.

И только в эту секунду я понял, насколько разумным было решение Кая поставить развлекательную систему.

Непослушными руками я включил её. Нашёл в каталоге первую попавшуюся мелодраму (ни в коем случае не фантастику и не про космос!) и включил её. Только после этого я смог уснуть, под тихое бормотание человеческих голосов.

Проснулся я с ясной головой и в хорошем настроении. Беспокойство отступило; вечная тьма за иллюминатором, чуть разбавленная светом далёких звёзд, больше не давила. Наоборот – как-то особенно остро ощущался уют капсулы, этого маленького кусочка привычного человеческого мира.

Прежде, чем продолжить прыжки, я позавтракал и умылся. В душ (его вариант для невестомости) я залезать не стал, берёг ресурсы.

Настраивая навигацию, я вдруг задумался о Гайе. Когда мы были вместе – размышлять об этом было удивительно трудно. Даже до того, как появилась Катя. Связь между нами, как сейчас показалось, слишком сильно влияла на мои собственные мысли.

Нет, на расстоянии она не стала казаться монстром. Совсем наоборот – я решил, что более благородного, взвешенного, стабильного и вообще достойного уважения существа я не встречал во всей Вселенной. Кроме того, я по-прежнему любил её человеческое воплощение.

Но я впервые задумался о её мотивации. Как может себя чувствовать существо, подобное ей? С обычной, человеческой точки зрения – Гайя, практически, бессмертна. Но едва ли она сама считает себя таковой. Слишком многое менялось, можно сказать, у неё на глазах. Как ни парадоксально, но её мир – более динамичный, чем наш. Обычный человек может пойти в горы

и, любуясь заснеженными вершинами, наслаждаться ощущением незыблемости мироздания. Но это совершенно недоступно существу, подобному Гайе, которая прекрасно помнит, как эти горы возникли и как продолжают выветриваться...

Для чего же она возится с человечеством? Почему хочет перенять у нас так много? Для чего стала одной из нас?

Смысл. Наверно, всё дело в смысле. Она давно переросла стадию существования ради существования; ей нужно качественное наполнение. Всё то, что способна дать обычная человеческая жизнь...

Что было бы, если бы Гайя осталась одна? Поглотила и изменила бы планету? Чем бы она стала? Отчаявшимся живым океаном, который изо всех сил стремиться изобрести собственные смыслы, и беззвучно кричит от отчаяния, потому что везде видит только себя, в бесконечном лабиринте искусственных отражений?..

От таких мыслей мне снова стало не по себе.

Я вспомнил о Считывателях. О том, что угроза Земле далеко не миновала. И после этого я сел возле стенда с турвингом, включил систему навигации и продолжил двигаться по направлению к звезде Тау Кита.

Глава 9

Первую планету я засёк тогда, когда Тау Кита едва перестала быть безразмерной искрой, одной из многих, и начала приобретать объём. Вернее, засёк её даже не я сам, а автоматическая навигационная система. Когда я проснулся в очередной раз и позавтракал, компьютер выдал сообщение о находке на информационный дисплей.

Для того, чтобы оказаться на орбите планеты, потребовалось всего лишь три прыжка.

Больше всего этот мир походил на Марс-переросток. В смысле, современный Марс, конечно. Огромная каменная глыба, красновато-рыжего оттенка, с зачатками атмосферы.

Количество приборов, размещенных на борту капсулы, было очень ограниченным, с их помощью я мог только грубо измерить температуру на поверхности и в первом приближении состав атмосферы. Конечно, можно было войти в режим, и путём сложных вычислений добиться большей точности данных. Но в этом не было совершенно никакой необходимости.

Совершенно очевидно, этот мир был безжизненным. Температура на экваторе минус шестьдесят по Цельсию. Это днём! Атмосфера – почти сплошная углекислота, с небольшим добавлением благородных газов. При этом давление на поверхности в сто раз ниже земного. И это при том, что сила тяжести была почти в два раза больше.

Перед стартом меня снабдили всей имевшейся у земных учёных информацией по системе Тау Кита. По данным различных исследований, на орбитах вокруг звезды должно вращаться от четырёх до семи планет. Так что открытие первого безжизненного мира меня совершенно не обескуражило.

Куда страшнее была вторая находка.

Через три прыжка, ориентируясь на показания навигационной системы, обнаружившей следующую предположительную планету, я оказался на орбите серого пылевого шара. Он выглядел точно так, как имитация, которую демонстрировала Алиса. Что ж. По крайней мере в чём-то она была искренна. А, значит, есть шанс, что я не зря прибыл в эту систему...

Третья планета (от края системы, а не от звезды) оказалась обитаемой.

В полтора раза больше Земли, бирюзово-зелёная. По прикидкам, которые я сделал в режиме на основании показаний простого гравитометра, который всё-таки запихнули в капсулу, сила тяжести на поверхности была всего лишь на двадцать процентов больше, чем на Земле. Вполне терпимо.

Большая часть поверхности планеты, как и на Земле, была покрыта океаном. Материк был один, вытянутый вдоль экватора почти на половину его длины. Поверхность материка, видимо, сплошь была покрыта местной растительностью, потому что она была лишь чуть темнее океана. Только в самом центре выделялась крупная горная цепь с заснеженными вершинами.

Именно среди гор я нашёл то, ради чего, видимо, и проделал весь этот долгий путь через межзвёздную пропасть.

Между двумя грядами вершин располагалось каменистое нагорье, почти идеально овальной формы. А посреди этого нагорья, выделяясь тенями среди общего серого фона, лежал уже знакомый мне спиральный символ.

Капсулу пришлось оставить на орбите – она просто не была рассчитана на гравитационные нагрузки. Поэтому пришлось герметизировать скафандр, надевать шлем и входить в режим.

До поверхности я добрался всего в пару прыжков. Но для финиша на последнем отрезке по привычке заложил метровую высоту, и это было большой ошибкой: повышенная сила тяжести больно отозвалась в суставах. Так недолго было и ногу сломать! Что, с учётом моего положения, могло быть критичным. Две недели прожить на обезболивающих – это не то приклю-

чение, которое я хотел бы переживать. Да и не было на борту столько лекарств... а что, если кость сместилась бы? Перекрыла бы какой-нибудь сосуд?

Я вздрогнул, выходя из режима, и пообещал себе удвоить бдительность.

Скафандр сигнализировал о включении системы обогрева. Тут было холодно: минус пятьдесят по Цельсию. Похоже, строители спирали выбрали самое неудобное место в этом зелёном мире! Но зато здесь, по крайней мере, не было разных чудовищ, которые наверняка в изобилии водились среди бескрайних джунглей за пределами горной цепи.

Хотя, возможно, когда спираль строилась, условия в этом месте было совсем другими. Я подумал об этом, разглядывая руины древнего сооружения. То, что это именно руины не было никаких сомнений: в отличие от конструкции, которая была обнаружена на Луне, здешняя спираль была в очень плохом сохране: стены кое-где осыпались, нарушив стройный узор, под ногами валялись ноздреватые обломки.

Я, осторожно ступая среди нагромождений естественной породы нагорья и останков спирали, двинулся к её центру. Именно там Лев обнаружил седьмой тюрвинг, назначение которого до сих пор остаётся для нас загадкой. Возможно, здесь удастся обнаружить что-то подобное? И понять, наконец, что оно из себя представляет? Может, здесь будут какие-то намёки, которые мы упустили на Луне?

Но эта надежда оказалась напрасной.

Центральный купол, в котором хранился тюрвинг, был разрушен до основания. Только небольшие, наполовину выветренные выемки в породе, визуально напоминающей мрамор, говорили о том, что здесь очень давно что-то было.

Я постоял несколько минут, сопротивляясь сильному ветру, который выл среди полуразрушенных конструкций так, что было слышно даже без активации внешних микрофонов.

Почему Алиса направила нас сюда?.. Что она хотела сказать этим? Что мир может оставаться живым тогда, когда спираль разрушена? Но тогда для нас уже поздно: ведь мы взяли лунный тюрвинг... или всё равно спираль следует разрушить? С другой стороны, на планете совершенно не наблюдается никаких признаков цивилизации...

Мне понадобилось ещё несколько минут таких вот беспорядочных размышлений, прежде чем я понял: спираль вовсе не обязательно является конечной целью. Я ведь не закончил обследовать систему!

Глянув на индикатор заряда аккумуляторов скафандра, я нахмурился. И прыгнул обратно на орбиту, к капсуле.

Прежде, чем заняться дальнейшими поисками, я привёл себя в порядок и решил отдохнуть. Маленький мир капсулы стал каким-то совсем уж по-домашнему уютным, когда в её иллюминаторах повис шар пригодной для жизни планеты. Глядя на новый мир, я думал о том, сколько всего может быть интересного на его поверхности. Другая жизнь! Может, там даже есть существа, которые уже начали движение по пути разума. А, может, там есть обитатели, подобные Гайе? Или что-то совсем не знакомое?

Мне было досадно, что я не смогу узнать это. По крайней мере, прямо сейчас. Слишком рискованно спускаться вниз, не имея точной цели, из простого любопытства. Ресурсов капсулы слишком мало для исследовательской миссии. Может, когда-нибудь, разобравшись со Считывателями, я смогу сюда вернуться, чтобы по-настоящему открыть для себя этот мир. И, может быть, даже дать ему название.

Глядя на изумрудный шар за иллюминатором, я уснул. В этот раз даже не понадобилось включать какой-нибудь фильм, чтобы слышать человеческие голоса.

Следующую планету навигационная система обнаружила, когда я спал. Позавтракав, я решил не откладывать перемещение и, мысленно попрощавшись с планетой разрушенной спирали, прыгнул в сторону, указанную компьютером.

Это было неожиданно.

Настолько, что я чуть рефлекторно не прыгнул обратно.

Четвёртый объект оказался вовсе не планетой.

Нет, своими размерами он вполне соответствовал этому определению, но даже беглый, поверхностный взгляд выдавал в нём искусственное сооружение.

Эта штукавина отдалённо напоминала морскую звезду. В центре – что-то вроде диска, состоящего из множества узких сегментов. По краям – вытянутые «лучи», чуть изогнутые против часовой стрелки. Каждый «луч» был в пару тысяч километров в длину и толщиной в полтысячи километров у основания.

Мне уже приходилось видеть нечто масштабное, что я принимал за продукт чужого разума. Вспомнить хотя бы ажурную сферу, которая в итоге оказалась редким межзвёздным паразитом. Могла ли эта «звезда» быть живой?

Поначалу мне показалось, что да, вполне. Поэтому я не сразу рискнул приблизиться. И только разглядывая поверхность «лучей» в бортовую оптику, я убедился, что это сооружение имеет техногенный, а не биологический характер. Более того: судя по всему, оно давно покинуто.

В телескоп были отчётливо видны разные элементы, разбросанные по поверхности. Некоторые походили на орудия. В других я уверенно смог опознать атмосферные шлюзы.

Когда первое потрясение от увиденного немного схлынуло, я осознал весь масштаб стоящей передо мной проблемы. У меня даже руки опустились. Теперь казалось совершенно очевидным, что Алиса имела в виду именно это сооружение, когда передавала координаты. Но как теперь найти нужный предмет или информацию? Объект огромен! Чтобы его обследовать и жизни не хватит.

Возможно, стоило прыгнуть поближе, но у меня были некоторые сомнения: вдруг оборонительные системы этой штуковины всё ещё активны? Капсулой рисковать не хотелось, от неё в самом прямом смысле зависело не только возвращение домой, но и моя жизнь.

На всякий случай я глянул на объект через простой термограф, установленный на капсуле. И понял, что получил ответ на вопрос «где искать?», практически, безо всяких усилий со своей стороны.

Тёплое пятно в основании одного из «лучей» выглядело как приглашение. И я не стал откладывать визит.

Перед тем, как прыгнуть на поверхность, я несколько раз переместился вокруг объекта, чтобы в режиме, по косвенным данным, вычислить силу тяжести и её вектор в интересующей меня точке. Результаты оказались странными: сила тяготения на тёплом пятне составляла семьдесят процентов от земной. Но её вектор составлял около двадцати градусов. То есть, прыгнув вниз, я окажусь на довольно крутом спуске, который тянется несколько сотен километров. Оставалось только надеяться, что там не слишком скользко.

Поверхность оказалась шершавой, выщербленной многочисленными микрометеоритами. А в некоторых местах – даже не очень «микро», попадались воронки до метра в диаметре и больше. Материал, из которого состоял объект, был похож на металл или, скорее, какой-то экзотический сплав: кое-где на сколах он отливал зеленоватым металлическим блеском.

Это место было похоже на странный, разрушенный и перекошенный то ли завод, то ли город.

Я стоял посреди огромной овальной площади, окруженной со всех сторон высокими наклонными башнями, колоннами, арками и даже чем-то, напоминающим обычные здания с несимметричными окнами разных размеров. Похожее я видел в Барселоне; кажется, его спроектировал архитектор по фамилии Гауди. Ему бы тут точно понравилось.

Термограф остался на борту капсулы, там, на высокой орбите. А размер теплового пятна был километров двадцать в диаметре. Ничтожно мало по сравнению с остальной поверхностью объекта, но пешком все здешние «руины» точно не обойдёшь. Однако, с тюрвингом вполне можно позволить себе беглый осмотр, пока кислород в баллонах скафандра не кончится.

Намечая наиболее эффективную траекторию прыжков, я неожиданно получил следующую подсказку.

В этот раз это был свет. Обычный свет, электрический; очень похожий дают светодиодные фонари. Что-то светилось на вершине одной из крупных арок, у самого края площади, где я находился.

Подумав мгновение, я навёл тюрвинг на ближайшую к источнику света площадку и прыгнул.

Глава 10

В странном овальном помещении, на вершине арки, я обнаружил светодиодный фонарь. Такие используются для технической подсветки и продаются в любом магазине с товарами для ремонта. Фонарь стоял на полу, у края большого проёма на самом краю арки, повернутый в сторону площади – так, чтобы его луч достигал поверхности.

Такие моменты всегда очень неприятны – когда находишь нечто там, где оно никак, ни при каких обстоятельствах не могло оказаться. Потому что тут же начинаешь сомневаться в своём душевном здоровье.

Я прикрыл глаза и постоял так минуту, стараясь отдышаться. Даже вышел из режима, чтобы не расходовать энергию понапрасну. А потом я услышал в активированном на дежурном канале шлемофоне лёгкое покашливание.

Открыв глаза, я рефлекторно отпрыгнул в сторону.

Прямо передо мной стоял человек. Пожилой, даже старик – седые волосы до плеч, глубокие морщины вокруг ясных голубых глаз. Он глядел на меня с лёгкой улыбкой

– Добро пожаловать, – снова послышалось в шлемофоне. Старик говорил на русском, безо всякого акцента, – ты выглядишь сильно удивлённым... это из-за способа общения? Насколько я могу судить, всё подобрано корректно. Или тебя что-то ещё смущает?

– Кто... кто вы? – неожиданно для себя самого смог выдать я.

– Подожди секунду, ты... не знаешь? – седые брови старика удивлённо взлетели, – это... действительно странно. Я ведь оставлял подробные инструкции и объяснения.

Я всплеснул руками.

– Ну да ладно, – вздохнул старик, после чего взмахнул правой рукой; сразу после этого жеста помещение преобразилось: пустые провалы оказались затянутыми чем-то вроде полупрозрачного пластика, каменный пол стал полированным, на нём появилось что-то вроде пушистых ковров неправильной формы. Ещё возникла мебель – пара глубоких кресел и небольшой столик между ними. Светодиодный фонарь исчез; его сменили потолочные светильники, – снимай эту штукину, тут можно дышать.

Я с сомнением потёр воздушный запор шлема. Потом активировал меню наружных датчиков. Действительно: давление снаружи теперь равнялось давлению, которое поддерживала жёсткая структура скафандра.

Немного поколебавшись, я снял шлем. В конце концов, кем бы ни был этот старик, наверняка у него имелась масса возможностей убить меня в скафандре.

Воздух в помещении был на удивление свежим и немного пах озоном.

– Так лучше, – улыбнулся старик, – остальное тоже можешь снять, на этом уровне скафандр тебе совершенно ни к чему.

– Уровне? – насторожился я; что же, получается, комната на вершине арки куда-то переместилась? Я с подозрением поглядел в окно.

Мы по-прежнему были на высоте. Но окружающий пейзаж изменился. Конструкции и площадь больше не выглядели безнадёжно заброшенными. Стены стали гладкими. Появилось освещение. Мимо окна пролетело нечто каплеобразное, опоясанное цветными огнями. Транспортное средство?

– Ты поймёшь, – отмахнулся старик, – по правде говоря, я думал, ты уже понял. Поэтому и явился сюда. Вам ведь удалось собрать комплект?

– Послушайте, хватит говорит загадками! – не выдержал я, – кто вы такой, в конце концов?

– Я интеллект этой станции, – представился старик; а я вдруг обратил внимание, что он теперь не выглядел таким уж древним: седины стало заметно меньше, да и морщины разгла-

дились, – контролирую все системы. Организую жизнь обитателей. Занимаюсь диспетчерской работой. Ну и участвую в Локальном совете Экспансии, конечно, – он улыбнулся, – как независимый специалист.

– Так она обитаема? – спросил я.

– Конечно, – кивнул мой виртуальный собеседник, – на большинстве уровней. Но, естественно, не там, откуда пришёл ты.

– Я не понимаю.

– Как ты попал сюда? – вопросом ответил старик.

Вместо ответа я продемонстрировал тюрвинг перемещения.

Старик, чуть прищурившись, пригляделся к предмету. Потом спокойно кивнул.

– Да, номер три из комплекта ваших соседей, – произнёс он, – вы, кажется, называете их тюрвингами, верно?

– Верно, – кивнул я, – вы знаете, что такое тюрвинги?

– Конечно. Это ведь я подготовил комплекты для вашей системы и занимался их заброской. Но это совершенно не объясняет, как ты попал сюда, – старик растерянно пожал плечами, – этот номер три может заменить ваш номер пять. Но у тебя нет полного комплекта и...

– Стоп! – перебил я, – вы... сделали тюрвинги? Вы Считыватель?

– Кто? – переспросил старик растерянно, после чего добавил, будто что-то вспомнив, – а. Считыватели. Вы, видимо, встречались с Алисой? Увлечённая и сосредоточенная на цели девчонка. Она до последнего была уверена, что её мир сможет подняться дальше, чем вы. Пыталась добыть недостающие звенья своего комплекта, даже смогла добраться до вас, очень близко к верхним уровням...

– Она пыталась меня похитить, – сказал я.

– И в итоге превратилась в пыль. Не так ли? – усмехнулся старик.

– Объясните. Что. Здесь. Происходит, – проговорил я.

– Что ж. Почему бы и не объяснить? – старик указал на ближайшее кресло, – да ты присаживайся. В ногах правды нет. И скафандр сними, а то сопреешь. Зачем зря перенапрягать систему жизнеобеспечения? Это не гигиенично.

Немного подумав, я действительно дезактивировал системы скафандра и вышел из него через задний люк. Скафандр, благодаря встроенным гироскопам и вспомогательным сервомоторам, остался стоять. После этого я плавно опустился в ближайшее кресло, оказавшееся удивительно комфортабельным.

– Может, воды? – предложил старик.

– Воздержусь, пожалуй, – ответил я.

– Что ж. Я мог бы загрузить нужную информацию непосредственно в твой мозг. Но это будет невежливо, не так ли?

– Как мне вас называть? – вопросом ответил я, – у вас есть имя?

Старик потёр подбородок.

– Не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд, – ответил он, – конечно, у меня есть индивидуальный идентификатор искусственного интеллекта, которые были приняты среди моих создателей. Но я существую слишком протяжённо, чтобы эта информация непрерывно находилась в обращении. Коллеги по совету Экспансии меня зовут Эльми, если произносить адаптированными для вашего языка звуками. Это такое летающее существо на одной из планет этой системы, откуда были родом мои создатели. Мы, знаешь ли, эстеты, – сказав это, старик чуть смутился и даже заметно покраснел, – но это простительная слабость.

Мне вдруг захотелось, чтобы этот морок развеялся. Старик. Эта комната. Вид за окном. Самое странное, что я не ощущал опасности; не чувствовал, что это ловушка. Мне просто всё больше и больше казалось, что я схожу с ума... куда больше, чем тогда, у Алисы.

Я встал с кресла, подошёл к старику и притронулся к его плечу. Я хотел ощутить, что он нематериален, что это голограмма, которую творят хитрые компьютеры. Но вместо этого почувствовал тепло чужого тела.

– Эй! – воскликнул Эльми (буду называть его так; в конце концов, не самое сложное имя), – ты чего?

– Ты... разве не голограмма?

– Обижаешь, – осклабился Эльми, – ты, наверно, решил, что я что-то вроде Алисы, да? Нет, Гриша. Я, скажем так, гораздо масштабнее. И вполне в состоянии синтезировать себе нужное тело. И комфортную обстановку для своего гостя.

Я молча вернулся на своё кресло. Конечно, я заметил, что он назвал меня по имени, хотя я не представлялся. Но задавать вопрос на этот счёт не стал. В этом не было никакого смысла.

– Что ж, – сказал Эльми, – начнем, пожалуй.

С этими словами часть стены в помещении превратилась в объемный экран. В самом центре его горела небольшая синяя точка.

– Большинство людей, Гриша, думают, что человек способен вообразить только три линейных измерения пространства, – проговорил Эльми, – и это легко объяснить. Перед тобой точка. Одномерный континуум. Чтобы он стал двухмерным, нужно поставить бесконечное число точек в ряд, добавив координату. Вот так, – точка на экране вытянулась и превратилась в сияющую линию, уходящую в бесконечность, – не сложно, правда? Что теперь сделать, чтобы линия превратилась в плоскость?

– Добавить ещё одну координату, – ответил я, – и растянуть по ней множество линий.

– Верно, – улыбнулся Эльми, – с кубом, я думаю, принцип будет понятен, да?

Плоскость на экране превратилась в синий светящийся куб.

– А вот дальше вроде как затык. Верно, Гриша?

Я не ответил.

– Но есть одна хитрость, которая позволит обойти ограничение, прописанное в информационной матрице существ, считающих, что они живут в трёхмерном пространстве, – сказал Эльми, – точнее, пространстве-времени. И это ключевой момент, Гриша.

Старик замолчал, явно ожидая реакции с моей стороны. Но её не последовало.

– Ты ведь знаком с гипотезами о множественности миров, верно? – спросил он, вздохнув, – кажется, к этому приходят все, или почти все миры, когда открывают для себя фундаментальные основы. То, что вы называете квантовой механикой.

– Допустим, – сдержанно ответил я.

– Это визуализировать в голове не так сложно, как четырёхмерный куб, верно? – усмехнулся Эльми, – просто бесконечно ветвящееся дерево. И промежутки между ветвями настолько малы, что их, в общем-то, нет. Точнее, они, конечно, есть – но равны самой фундаментальной единице, – он сделал паузу, как бы подчёркивая важность того, что будет сказано: – Каждый мир отличается от следующего ровно на одну единицу информации. Во время нашего разговора мы, как ты понимаешь, наплотили несчётное число других вселенных, где сидим мы с тобой и беседуем. Но каждый раз те беседы чуть отличаются от нашей. На один звук. На один жест. Впрочем, ты ведь достаточно умный парень, и понимаешь, о чём я говорю. Вы ведь уже вплотную подошли к созданию квантовых вычислительных устройств, верно? Биологическая форма которого интегрирована в твой мозг, кстати. Ты ведь знаешь об этом?

Я молча кивнул, продолжая бесстрастно глядеть на старика. На экране в это время светящийся куб уменьшился. Из его граней появились «ветви», на которых «росли» другие маленькие «кубики», проникая один в другой. Эта визуализация мало походила на дерево. Скорее, на какой-то абстрактный узор.

Но я не очень обращал внимание на происходящее на экране, фиксируя его только краем глаза. Думаю, я всё ещё ждал подвоха; какой-то ловушки, которая раскроется в любой момент.

– В этом мы похожи, кстати, – Эльми усмехнулся, – только я полностью живу в четырёхмерном мире. Осознаю себя на всех уровнях. А ты – совсем нет. Только пользуешься частично теми благами, которые даёт такое существование. Скорость вычислений. Это ведь естественно, что квантовый компьютер способен за секунды решить задачу, на которую у обычного, трёхмерного, уходит тысячи и миллионы лет? Потому что вычисления проводятся сразу во всех возможных мирах. Понимаешь?

– И... как это должно объяснить то, что здесь происходит? Кто вы? Зачем следите за Землёй и за мной?

– Терпение, молодой человек, – вздохнул Эльми, – мы только приблизились к самому важному. Ты ведь уже понял, что эта станция – транслирующая. Она, как и я, существует сразу во всех возможных вселенных. Мы переместились немного вниз, чтобы нам было комфортнее общаться.

– Стоп! – до меня неожиданно дошла одна важная вещь, – ты уже несколько раз говорил «выше» и «ниже», когда рассказывал о мирах. Но разве эти понятия имеют смысл, если вселенных несчётное количество?

– Умница, Гриша! – старик назидательно поднял вверх указательный палец, – возможно, ты не зря родился с такой необычной конфигурацией мозга. Соображаешь быстро.

На экране снова было движение. «Дерево» вдруг начало как бы отдаляться. Крона перестала ветвиться, и в конце концов оно стало похоже на веретено, довольно толстое в центре, и истончившееся до тонкой нити по краям.

– То, что ты видишь на экране – это довольно точная модель четырёхмерной вселенной, в которой мы живём, – пояснил Эльми, – и ты, думаю, обратил внимание, что, согласно модели, вселенная эта невероятно велика. Но не безгранична. Верх и низ тут, конечно, условные. А толщина модели отражает число реализованных трёхмерных континуумов на каждом из уровней. В центре их довольно много. Если бы ты оказался там, то решил, что попал в один из фантастических фильмов, популярных у вас. Там множество населённых планет в каждом пласте реальности. Несчётное число разумных рас, которые развиваются, создают союзы, изучают мир, создают новые вселенные... ты ведь понимаешь, от чего зависит число возможных вариантов планов бытия, да? Я это уже упоминал.

– Единица информации, – кивнул я, – чем сложнее устройство мироздания – тем больше вариантов оно даёт на единицу времени.

– Совершенно верно, – Эльми просиял, – и ты, конечно, уже понимаешь, что эта модель является открытой. То есть, наша четырёхмерная мультивселенная не должна выглядеть так, как выглядит. Наоборот, из исходно ограниченного начала... – изображение изменилось; острые концы «веретена» стали утолщаться, пока не стали больше его центра, и, в конце концов, вылезли за пределы экрана, – ...она должна уходить в бесконечность по обоим векторам временного потока. Бесконечно расти. И самая большая загадка нашего мира, Гриша – это вопрос, почему этого не происходит. В реальности все несчётные миры центра вырождаются по мере приближения к полюсам вероятностей. Сначала исчезает разумная жизнь. Потом любая жизнь. Потом сложные элементы. Потом фундаментальные взаимодействия, – на экране снова возникло «веретено», – до тех пор, пока четырёхмерный континуум не схлопывается в трёхмерный, потому что исчезает понятие времени из-за того, что исчезает причинность. Потом трёхмерный мир схлопывается в плоскость. И в линию. И, в конце концов, в точку.

Эльми замолчал, выдерживая паузу. Кем бы он ни был, но из него наверняка получился бы хороший учитель. Он объяснял мне вещи, которые наверняка потребовали бы целых томов разных формул и витиеватых формулировок, если бы о них задумались на Земле.

– Это очень интересно, – осторожно заметил я, – и познавательно. Но каким образом это связано с моей Землёй? И той опасностью, которая нам грозит? Ведь Считыватели реальны

– я сам видел, что даже в этой системе есть пылевое облако, которое, уверен, некогда было планетой...

– Дело в том, Гриша, что любая жизнь не терпит ограничений, – тепло улыбнулся Эльми, – даже такие формы жизни, как я, – он почесал подбородок, – особенно такие, как я. С момента открытия ограниченности мультивселенной я и множество моих коллег пытаемся понять природу этого ограничения. И, конечно же, избавиться от него. Во всех уголках нашего мультимира существуют организации и отдельные существа, входящие в совет Экспансии.

– Но... зачем? – спросил я, – чем плохо жить в ограниченной Вселенной?

Кажется, я понял ответ ещё до того, как закончил вопрос. Но Эльми уже начал отвечать:

– Ограниченность это смерть, Гриша, – сказал он, – в самом фундаментальном значении этого слова. Если мы не сможем найти выход, существа, подобные мне, и цивилизации, вышедшие далеко за рамки своей биологической основы, рано или поздно начнут воевать между собой. Просто для того, чтобы распространить свою информационную матрицу. Это фундаментальное свойство – даже не жизни, нет! – это свойство информации, Гриша. Основы нашего мироздания. Наша деятельность – это единственное, что сдерживает огромную войну, которая, как мы знаем, закончится вырождением мира. Но даже это знание будет не в состоянии её остановить.

– Сколько... – я запнулся и сглотнул, – сколько у вас есть времени? Чтобы найти выход?

Эльми снова улыбнулся.

– Гриша, ты же понимаешь, что в описанной мной конструкции твой вопрос не имеет смысла, – ответил он, – такие как я живут сразу во всех временах. И вопрос только в том, в какую сторону склоняется равновесие. Совет Экспансии нашёл способ медленно раздвигать границы мультиверсума. Для этого в пустых и безжизненных областях вероятности, максимально близко к полюсам, искусственно создаются миры. Затем они населяются жизнью. Некоторые из них бывают настолько успешными, что рождают разум. И наша основная задача – продлить их существование как можно дольше, чтобы они дали как можно больше ветвей реальности, «утолщая» общую структуру мультиверсума. Понимаешь теперь?

– Это всё-таки вы... – пробормотал я, – вы – Создатели... вы сделали нас из звёздных ран...

– Очень романтично, Гриша, – усмехнулся Эльми, – я никогда об этом не думал с этой точки зрения. Сама технология довольно простая.

– Но... – растерянно произнёс я, – что тогда происходит с мирами? Что уничтожает их? Обращает в пыль? Разве не вы? Вырастили нужное число информации, смыслов – и считали это всё? Забрали себе! Это ведь логично!

Эльми рассмеялся.

– Да, Алиса поработала на славу, – сказал он, успокаиваясь, – но дело в том, что фиксированная информация, неспособная к делению вероятностей, нам совершенно не нужна. Понимаешь?

– Тогда кто или что это делает? – спросил я.

– Вот мы и подошли к самому главному, Гриша, – вздохнул Эльми, ласково улыбаясь, – дело в том, что мы этого не знаем.

– Подождите, – сказал я, – тут... что-то не сходится. Мы уже поняли, что в нашей системе вы создавали несколько версий человечества. На Фэзтоне. На Венере. На Земле. И земные люди были обречены на то, чтобы стать безвольными клетками в составе супер-личностей, которые...

– ...это не мы Гриша, – перебил Эльми, всё так же улыбаясь, – скажу больше: та версия Земли, из которой ты прибыл, забралась дальше всех. Вам уже удалось по-настоящему раздвинуть границы нашего большого мира. Вы столкнулись непосредственно с тем, что нас сдерживает. Те эгрегоры, о которых ты говоришь... мы видели намёки на это в других «верхних

мирах». Мы получали сообщения о них от отдалённых от нас членов совета Экспансии. Но только в вашем мире эти проявления были настолько... яркими.

Я чувствовал: Эльми что-то недоговаривает. Вернее, даже не так – сомнений в том, что он говорит правду, у меня не было. Но он специально поворачивает разговор так, чтобы у меня не было возможности исследовать всю ситуацию под другим углом... Впрочем, если он говорит правду о себе – то тягаться с таким существом в искусстве софистики не было никакого смысла. Лучшее, что я мог сейчас сделать – это получить максимум доступной информации. А уже потом думать, что с ней делать. Ещё мне остро не хватало Гайи. Возможно, она бы смогла как-то помочь... Впрочем, о ней лучше даже не думать. Старик пока ни словом не обмолвился о том, что ему известно о её существовании. И это было очень хорошо.

– Мы не знаем, почему ваш мир так сильно выделился, – продолжал он, – некоторые из нас даже высказывали гипотезы, что в игру вступили какие-то фракции из той неназываемой силы, которая нас держит взаперти. Что Земля стала пробным камнем будущего конфликта... но по мне так они просто выдают желаемое за действительное.

– Допустим, – кивнул я, – скажем, я верю в то, что это не вы устроили игры с версиями человечества. Хотя и были изначальными творцами. Но что такое тюрвинги? Зачем вы системно делились такими технологиями? Какой в этом был смысл?

– О-о-о, Гриша, я ещё не успел тебе рассказать, – кивнул Эльми, – ты, наверно, уже понял, что мы тоже не сидели просто так, когда поняли, что «верхние миры», созданные нами, начинают погибать один за другим, по мере приближения к границе осознанных вариантов мироздания... конечно же, мы пытались что-то с этим сделать. Поначалу искусственно стимулировали быстрое развитие, но это не давало никакого эффекта. Как только миры приближались к началу этапа звёздной экспансии – они неизменно погибали. И тут одному из философов совета Экспансии пришла идея. Он предложил добавить тонкий дестабилизирующий элемент, который мог бы сбить расчёты гипотетического стороннего наблюдателя.

– И всё? – ухмыльнулся я, – так просто?

– Не совсем, Гриша, – вздохнул Эльми, – мы много экспериментировали с этими дестабилизирующими элементами. И со временем смогли создать довольно надёжную систему, которая гарантированно доставляла нужные нам миры к границе мироздания. Число тюрвингов, их функционал и объединение рассчитываются под каждую цивилизацию, чтобы дать ей шанс преодолеть Барьер Небытия.

– Опять новые термины...

– Извини, – Эльми пожал плечами, – я не обещал, что объяснение будет совсем уж простым.

– Ладно, я понял... – кивнул я, – получается, мы собрали все тюрвинги, да? Поэтому до сих пор существуем?

– И снова неверно, Гриша, – Эльми посмотрел на меня; в его карих глазах отразилась какие-то сложные эмоции – любопытство, печаль, размышления... Впрочем, это наверняка была выверенная картинка, чтобы создать нужный фон персонально для меня, – тюрвинги мало собрать. Последний из них, который мы помещали внутри спирали, тоже должен быть активен... тогда, как мы считаем, у вас будет шанс преодолеть полосу небытия.

– И... как же его активировать? – заинтересовался я.

– Вот этого я сказать не могу, Гриша, – старик чуть виновато улыбнулся, – иначе этот способ перестанет работать. Вы всё должны понять сами.

Я откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Две недели прыжков в кошмарной пустоте, наедине с самим собой. Риск, который сложно переоценить... и всё ради этой милой беседы с нашими предполагаемыми создателями, суть которой заключается в том, что нам предложено во всём разбираться самим?..

И тут я вспомнил кое-что ещё, о чём, как минимум, стоило спросить это странное существо по имени Эльми.

– Тебя... не удивило моё прибытие?

– Немного. Поначалу, – старик кивнул, – ты прибыл необычным путём. Если бы тюрвинги были надлежащим образом активированы, для того, кто это сделал, открылся бы прямой проход на эту станцию. И наша беседа имела бы... несколько иное содержание. И, возможно, она проходила бы в другом составе.

– Получается, то, что мы встретились, не имеет никакого смысла?

Эльми неожиданно рассмеялся.

– Это не такой простой вопрос, как ты мог подумать, – наконец, ответил он, успокаиваясь, – ты прибыл сюда, поддавшись на игру искусственного разума, который очень хотел, чтобы его родной мир обогнал вас в этом... этой... мне сложно подобрать подходящее слово, потому что это не гонка и не соревнование. Вы, ваши миры, не спортсмены. Вы – наша сама большая надежда. То, что отделяет наш замкнутый мир от хаоса. Подумай немного о том, что я тебе уже рассказал, и ты поймёшь, уверен. Это не так сложно. Так что у меня нет ответа на твой вопрос, был ли смысл в твоём путешествии. С точки зрения Алисы смысл определённо был. Она добавила нестабильности в уравнение, думая, что уменьшает ваши шансы. Если вы исчезнете – мироздание откатится на предшествующие ветви вариантов. И там у её цивилизации снова будет шанс стать первыми.

Вот это было неприятно. Кажется, я даже поморщился.

– Но всё не так однозначно, Гриша, – улыбнулся Эльми, – мы ведь до сих пор не знаем, поможет ли придуманная нами схема. А добавленная нестабильность может сыграть вам на руку... всех последствий я не могу просчитать, потому что очень мало знаю о том, с чем мы имеем дело. Но я точно знаю, что тебе, к сожалению, придётся вернуться обратно. Тем же путём, которым ты пришёл сюда.

Я сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями. Потом спросил:

– Вы... ты... – я путался в обращениях; привык обращаться к старшим только на «вы», но он сам был со мной на «ты», к тому же, постоянно называл по имени. Из-за этого уместным было и отвечать на «ты». Да и «стариковская» сущность была под большим сомнением, – в общем, мы, кажется, спустились в другую реальность, пока говорили, я верно тебя понял? Здесь станция обитаема?

Эльми показал идеальные белые зубы, резко контрастировавшие с его внешностью. Почему-то только теперь я обратил внимание на эту особенность. Или раньше они не были настолько белыми?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.